

Шумейко, М. Ф. О роли и месте археографии в ряду специальных исторических дисциплин источниковедческого цикла / М.Ф. Шумейко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэдактар) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2002. — С. 89–105.

М. Ф. ШУМЕЙКО

О РОЛИ И МЕСТЕ АРХЕОГРАФИИ В РЯДУ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ЦИКЛА

Прежде чем переходить к основному предмету настоящей статьи, выскажем несколько соображений терминологического и теоретического характера применительно к археографии. Это важно сделать, на наш взгляд, учитывая наличие различных, порой полярных мнений, относительно данной научной дисциплины. Начнем с терминологических проблем, которые по известным причинам приобретают особый смысл. Дело в том, что до последнего времени среди историков, да и филологов, то затухая, то вновь вспыхивая, ведутся споры о самом термине «археография»¹. Это обусловлено тем, что, по мнению авторитетнейшего российского историка-археографа С. Н. Валка, «Историки прошлого века (имелись в виду Н. А. Полевой и П. М. Строев — *М. III.*) выбрали для той научной и практической дисциплины, которая должна была иметь своим предметом вопросы издания документов, не совсем складное наименование, которое за пределами России (как, впрочем, и других стран, ранее входивших в состав СССР — *М. III.*), нигде и никогда в таком значении не применялось»². В блестящей статье о «судьбах археографии» С. Н. Валк проследил трансформацию термина «археография» из «древлеописания» (как этимологически он раскрывается) в обозначение занятий над документами, которые окажутся древними лишь в далеком будущем, через много и много веков³.

Известно, что впервые термин «археография» был употреблен в работе лионского врача Ш. Спона, изданной в 1685 г. (Спон занимался археологическими раскопками в Греции и Ма-

89

лой Азии). По мнению автора, он обозначал науку о памятниках древности и не имел ничего общего с этимологией данного слова. В Россию «археография» пришла в первой четверти XIX в. в том же значении, которое ей придал Ш. Спон. Виновником нового терминологического истолкования слова «археография» оказался П. М. Строев, увидевший главную задачу археографии в «извлечении и приведении в известность всех (буде возможно) памятников наших древних письмен». С этой целью он предлагал организовать «экспедицию», которая бы «обозрела, разобрала и с возможною точностью описала» рукописные собрания северной полосы России. После этого, по мнению П. М. Строева, должны быть составлены и обнародованы каталоги собранных рукописей⁴. В результате деятельности экспедиции в конце 1820-х — первой половине 1830-х гг., ее инициатор и руководитель П. М. Строев приходит к новому убеждению: вновь найденные рукописи надо не только каталогизировать, но и *полностью издавать*. Так появляется Археографическая комиссия, главной задачей которой являлось «систематическое издание в свет источников отечественной истории»⁵.

Таким образом, исчезнув на Западе, «археография» получает новое рождение и развитие в России. Здесь этот термин применяется для обозначения розыска и каталогизации документов, их описания и издания, только их издания и даже только теории и методики их издания. Несоответствие этимологического значения термина «археография» той сфере деятельности, которую он обозначает, уже вызывало у многих российских историков сомнение в целесообразности употребления случайно и некстати заимствованного из западной литературы слова. Предлагалось называть предмет «археографических» занятий «изданием документов», «методологией, методикой, техникой или даже практикой издания документов». Однако, учитывая то обстоятельство, что слово «археография» настолько прочно вошло в научный обиход, разговорный язык, отражено в наименованиях научных специальностей, учебных дисциплин, учреждений, вузовских кафедр, периодических изданий и т. п., «отказываться от него, — по справедливому замечанию С. О. Шмидта, — при всей условности и "узости" теперь самого термина "археография" нет возможности. Да и нет нужды. Следует только договориться о характере словоупотребления»⁶.

90

В качестве основы такого «договора» С. О. Шмидт предложил трактовать археографию в широком понимании как науку о собирании, описании и издании письменных исторических источников (или документальных памятников) и в более узком смысле — как теорию, методику и практику публикации документальных памятников⁷. Такое определение впоследствии закрепилось не только в специальной научной литературе, но и в учебных пособиях, энциклопедических изданиях, в том числе белорусских.

С учетом данного обстоятельства мы, вслед за другими исследователями, рассматриваем археографию в широком смысле — как научную дисциплину (или науку), которая занимается всем комплексом проблем,

связанных с введением письменных источников в научный оборот на этапе их поиска и собирания (полевая археография), научного описания (камеральная) и публикации (эдиционная). В узком же смысле под археографией должна пониматься научная дисциплина (или наука), разрабатывающая теорию и методику публикации документов.

Нетрудно заметить, что задачи, сфера и понятийный аппарат археографии не могут не роднить ее с источниковедением, документоведением, архивоведением, дипломатикой и другими специальными историческими дисциплинами источниковедческого цикла, а также с историографией и даже археологией, этнографией, кодикологией, текстологией и т. д.

Общий объект исследования вышеперечисленных научных дисциплин и археографии — документ. Однако, при более внимательном рассмотрении очевидны и существенные различия между археографией и специальными историческими дисциплинами источниковедческого цикла. Дело в том, на наш взгляд, что только археография рассматривает специфические вопросы теории и методики публикации документа в качестве исторического источника, что и сделало археографию самостоятельной научной дисциплиной со своим собственным подходом к документу, своим объектом и предметом исследования. Исходя из этого следует признать, что объектом археографии является не собственно документ, а документальная публикация. В качестве же предмета исследования выступает история и современное состояние археографической мысли, методика публикации истории-

ческих источников, состав и содержание археографически опубликованных источников.

Анализируя становление археографии как науки (или научной дисциплины), исследователи отмечали, что большую часть своей истории она просуществовала в виде *практической деятельности* по изданию документов, причем на довольно позднем этапе развития общества (конец XVII — начало XVIII в.), — документальные публикации были востребованы оформившейся к этому времени исторической наукой. Расширение исторических исследований в свою очередь потребовало привлечения новых исторических источников, доступных не только одиночкам-историографам, но и значительно расширившемуся кругу историков-исследователей. Спрос на доступные исторические источники в форме документальных публикаций рождал таким образом предложение последних. Работа по публикации документов приобретает широкий размах. В результате складываются определенные приемы подготовки публикаций, совершенствуется техника издания документов. И наступает время, когда приемы и навыки, которые нащупывались чисто эмпирическим путем, начинают теоретически осмысливаться. Разработка методики публикации знаменует собой начало теоретической научной деятельности в области археографии.

Археография занимает видное место в системе научного исторического знания как процесса, поскольку она способствует расширению источниковой базы исторических исследований, делает общественно доступными многие исторические источники, хранящиеся в государственных и частных архивах, рукописных отделах библиотек и музеев, находящиеся на руках. Известно, что в процессе научной разработки истории преимущественное место занимает работа исследователя с письменными документами. Исходя из этого археография с момента своего зарождения развивалась как научная область, охватывавшая только письменные памятники. Однако в настоящее время с расширением документальной базы исторических исследований, с появлением нетрадиционных источников (кино-, фото-, электронные документы и др.) все они могут и должны быть включены в сферу археографии⁸.

Публикуя документы как исторические источники, археограф делает их более доступными для исследователей; кроме того, он

берет на себя проведение части источниковедческой критики публикуемого источника (не подменяя при этом историка-исследователя). А если обратиться к истории исторической науки, то нельзя не отметить, что в период ее становления историки сами занимались поиском, сбором, описанием, обработкой необходимых им документов, а затем уже использованием содержащейся в них информации для своих исторических построений. Так работали выдающиеся российские историки В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин и др., чьи исторические исследования приобрели характер первоисточников в силу того, что в них использовалась информация документов, впоследствии утраченных⁹.

В конце XVIII — начале XIX в. происходит своеобразное разделение труда между историками-исследователями и архивистами-археографами. Логика здравого смысла подсказывала целесообразность проведения изысканий источников и их публикации однажды и для всех вместо поисков всегда и каждым в отдельности. Формируются специальные исторические дисциплины, предметом которых выступают определенные свойства документов как исторических источников. Позднее в недрах московской школы историков созрело и теоретическое обоснование целесообразности разделения функций издателей рукописей и исследователей источников исходя из неодинакового подхода к источникам тех и других. По мнению историка, палеографа и археографа И. Ф. Колесникова письменный памятник для историка это «источник определенного исторического изыскания», а для археографа «письменный памятник есть вообще

исторический источник, а не источник определенного исторического изыскания... Задача археографа — заложить прочный и надежный фундамент для всевозможных исторических построений»¹⁰.

Публичность документа не только облегчает труд историка-исследователя, но и выступает в качестве своеобразной гарантии обоснованности и проверяемости выводов, которые он делает, опираясь на документ. Она таким образом выполняет функции контроля как за историческими исследованиями, так и за прошлыми документальными публикациями (если, разумеется, таковые были). По этому поводу в свое время известный белорусский археограф Д. И. Довгялло высказывался следующим

образом: «Издание в печати архивных материалов как первоисточников для истории белорусского народа и характеристики белорусской культуры является со всех точек зрения не только крайне желательным, но и необходимым. На ближайшей очереди масса документов чрезвычайно ценных, без которых не может быть поставлено правильно и всесторонне освещено прошлое белорусского народа, особенно под углом марксистской точки зрения. Кроме того, для той же цели настала надобность *в новой проверке с делами уже изданных актов и документов* (выделено мною — М. Ш.), чтобы дать новое издание, которое могло бы удовлетворять всяким научным изысканиям»¹¹.

Совершенствование организации исторических исследований привело к тому, что историк-исследователь уже в архивах может вести поиск и отбор необходимых для его исторических построений документов — благодаря деятельности профессионального историка-архивиста, взявшего на себя труд по собиранию, отбору, хранению, описанию документов. Наличие хорошо разработанного научно-справочного аппарата делает эту работу успешной и целенаправленной и кроме того устраняет противоречие между организацией хранения документов в архиве (по происхождению) и их использованием историком-исследователем (по содержанию). Однако, каким бы совершенным ни был научно-справочный аппарат архива, он не может свести до минимума значительные затраты времени исследователя на по существу второстепенную работу, связанную с выявлением, копированием отобранных документов. Для анализа содержания источников, обобщений и выводов в этом случае остается не так уж много времени. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов и факторы экономического порядка (большие расходы на поездки в архивы, расположенные в других городах, других государствах, высокие цены на изготовление копий документов и т. п.).

С учетом этих и других обстоятельств публикация документов вполне оправданно выделилась в специфический вид научной исторической деятельности. Впоследствии, благодаря развитию исторической науки и особенно источниковедения, публикационная деятельность приобрела сугубо научный характер, который не сводится к простому тиражированию документов с целью обеспечения их большей доступности. Ею занимаются ква-

лифицированные специалисты, владеющие как общеисторической подготовкой, так и специальными историческими знаниями. В соответствии с принципом разделения научного труда они взяли на себя часть источниковедческой работы, объединяемую понятием «внешняя критика источника». Итогом научной деятельности археографов стала археографическая публикация, представляющая собой совокупность трех блоков информации, а именно: информации документа (т. е. текста документа), информации о документе, а также информации о приемах и методах, с помощью которых археограф подготовил публикацию.

Дифференциация научной деятельности в рамках исторической науки не ведет, однако, к обособлению историка-исследователя от архивиста-археографа по профессиональной принадлежности. Как известно, архивист зачастую работает в качестве историка-исследователя и, наоборот, последний нередко оказывается в роли архивиста-археографа. На неразрывную связь архивистов-археографов с историками-исследователями указывает хотя бы то обстоятельство, что лица, оканчивающие специальные высшие учебные заведения в Беларуси с 1997 г. получают квалификацию «историк-архивист». И не случайно сочетание в одном лице навыков профессионального историка и одновременно архивиста-археографа дает наибольший эффект и в сфере архивного дела и в сфере археографии. Известно, например, что наиболее квалифицированно были подготовлены тома «Актов Виленской археографической комиссии», «Историко-юридических материалов» и другие издания теми «архивариусами» (по тогдашней терминологии), которые обладали широчайшими познаниями в области истории, владели специальными историческими дисциплинами (палеографией, дипломатикой, хронологией, метрологией, филологией и др.).

С расширением источниковой базы, появлением в архивах документов массового характера союз историка-исследователя с архивистом-археографом приобретает еще большую актуальность. Естественно, что чл.-кор. АН СССР С. В. Рождественский в статье под характерным названием «Историк-археограф-архивист» счел необходимым выделить роль архивиста в проведении исторических исследований, закрепить за ним статус равноправного партнера историка-исследователя. Ученый, в частности, писал:

«Когда историческая наука все шире и глубже захватывает такие области, где доминирующим источником ее питания является массовый архивный материал, архивисту должна быть отведена определенная и самостоятельная роль в научном строительстве. Архивист перестал быть чиновником и должен стать научным работником высшей квалификации, равноправным сотрудником историка-исследователя и археографа»¹².

Традиционно считается, что документальная публикация предшествует (или идет параллельно) аналитическим разработкам в области исторических исследований. В целом это верно, если принять во внимание то обстоятельство, что именно историк-исследователь, занимающийся конкретными историческими изысканиями, лучше других осведомлен и о круге источников, существующих по конкретной, разрабатываемой им теме, и более других заинтересован в обеспечении публичности этих источников путем их опубликования. Не отрицая влияния историографии на определение тематики документальных публикаций (ниже мы скажем и о негативном влиянии, следствием чего было появление документальных публикаций, соответствовавших уже сложившимся схемам и концепциям), в то же время отметим, что истории известны и такие случаи, когда публикации документов стимулировали развитие исторической науки, подсказывали исследователям направления изучения и даже определяли результаты исследований. Последнее не имеет ничего общего с неверно понимаемыми некоторыми археографами целями документальных публикаций — «документально осветить» то или иное событие или с помощью документальной публикации провести «исследование в документах и материалах». Достижение таких целей неизбежно ведет к экстенсивному формированию источниковой базы, усилению «информационного шума» в археографической продукции, наконец, созданию самой благоприятной среды для «утонченной, так сказать документальной, фальсификации исторического явления»¹³.

Речь идет о том, что нередко археографическая публикация, подготовленная квалифицированными специалистами и включающая помимо собственно текстов документов и полную информацию о их происхождении и особенностях, а также богатый научно-справочный аппарат, обращает внимание историка-ис-

следователя на проблему, которой посвящена эта публикация, вызывает у него интерес к этой проблеме, побуждает заняться ее разработкой.

Из вышеизложенного видно, насколько тесно археография взаимодействует с науками гуманитарного цикла и особенно — со специальными историческими дисциплинами. Особое место среди последних занимает источниковедение. Общность исторического развития источниковедения и археографии сближают эти две дисциплины. Как уже отмечалось, археография своим рождением обязана исторической науке, бурное развитие которой привело к разделению научного труда между историками и публикаторами, стимулировало появление общедоступных документальных публикаций. Однако, для того чтобы эти публикации могли удовлетворять запросам историков, требовались специальные знания и навыки, которыми располагало уже сформировавшееся в недрах исторической науки историческое источниковедение. И археограф в процессе подготовки документальных изданий стал применять те же приемы и методы работы с документами как источниками, которые использовал и историк-исследователь, прежде чем положить их в основу своего исторического построения. С другой стороны, в ходе этой деятельности вырабатывались приемы и методы, обогащавшие собственно источниковедческую методiku, пополнявшие арсенал источниковедческой критики.

Связь археографии с источниковедением со всей очевидностью проявляется при подготовке высшего типа археографической продукции — научных изданий, в большинстве своем основанных на изучении многих списков и редакций предполагаемых к изданию документов, сложных рукописей, сопровождающихся палеографическими, историческими, филологическими и прочими комментариями. В этих случаях текстологическая и археографическая работа непосредственно смыкается с собственно источниковедческим исследованием¹⁴. Достаточно только провести сравнительный анализ объемов текстов документов в изданиях научного типа и комментариев к ним (текстуальных, по содержанию), предисловий и др. элементов научно-справочного аппарата, чтобы убедиться в том, насколько археография зависит от источниковедения. С другой стороны, и ис-

точниковедение в значительной мере прибегает к услугам археографии, используя, например, всевозможные хрестоматии по источниковедению, археографические издания характерных источников различных видов для профессиональной подготовки историков-исследователей. Не последнюю роль в деле самопознания источниковедения призваны также сыграть всевозможные документальные публикации, подготовленные под руководством или с участием признанных ученых-историков¹⁵.

Из других дисциплин источниковедческого цикла археография взаимодействует с палеографией, хронологией, метрологией, геральдикой и др. Эти дисциплины своим становлением в известной мере обязаны развитию публикаторской деятельности, поскольку были призваны обслуживать ее. С другой

стороны, без владения приемами и методами специальных исторических дисциплин вообще невозможна подготовка документальных публикаций (и это относится не только к источникам раннего периода, но и к документам нового и новейшего времени).

К археографии как исторической дисциплине очень близка (зачастую совпадает с ней) такая филологическая дисциплина, как текстология. Граница между ними определяется характером публикуемых материалов: текстологи работают с литературными произведениями (художественными, публицистическими, научными и пр.), а археографы — преимущественно с документами юридического, делового и бытового характера. Задачами текстологии являются: установление точного текста произведения, организация (кодификация) этого текста, его передача и комментирование¹⁶. Исходя из общности характера деятельности текстологов и археографов и учитывая размытость грани между ними (яркий пример здесь — летописи, которые выступают и в качестве исторического источника, и в качестве литературного произведения), некоторые современные ученые-археографы допускают и предполагают слияние этих двух родственных дисциплин, исторически сложившихся раздельно, в единую дисциплину, условно называемую «ретроэдиторикой»¹⁷.

Существует целый ряд «родственных» признаков, объединяющих археографию с документоведением, дипломатикой, информатикой, книговедением, архивоведением и др. Остановимся на связи археографии с последним, учитывая то обстоятельство,

что большинство опубликованных и ныне публикуемых источников, особенно массового характера, хранятся в архивах, являющихся объектом исследования архивоведения.

До недавнего времени считалось, что археография находилась в рамках архивоведения, а затем выделилась из него. Правда, на якобы подчиненность археографии архивоведению указывают ныне некоторые факты организационного порядка. Так, сектор археографии Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела функционирует в составе отдела архивоведения этого института; в аналогичном белорусском НИИ также существует отдел археографии, а при Госкомитете по архивам и делопроизводству Республики Беларусь в 1999 г. создана археографическая комиссия¹⁸. Однако, общность многих параметров археографии и архивоведения, профессиональная близость археографов и архивистов, доходившая, как выше отмечалось, до совмещения этих двух специальностей в лице одних и тех же работников, не могут использоваться в качестве аргумента для обоснования подчиненности полевой, камеральной, эдиционной и практической археографии архивоведению и архивному делу. И это несмотря на то, что работа по описанию и публикации документов является одним из важнейших направлений в деятельности архивов, а археография в большой степени заимствует не только фактологическую информацию, хранящуюся в архивах, но и принципы и методы архивоведения. С другой стороны, и архивисты, выступая в качестве археографов, используют приемы и методы археографии, опираясь на ее теоретические разработки (в частности, в вопросах выбора объекта публикации, определения целей и задач последней и т. п.). Здесь речь может идти о взаимодействии (но не идентичности) археографии и архивоведения, которое проявляется и в том, что первая дает второй (как, впрочем, и другим наукам) материал для исследования собственной истории, истории архивного дела и т. д.¹⁹

Причины же отождествления археографии с архивоведением и архивным делом, имевшего место в недавнем прошлом, кроются, на наш взгляд, в том, что ведущую роль в практической археографии в Беларуси в 1960 — нач. 1980-х гг. играли архивные учреждения, располагавшие не только широкой документальной базой, но и квалифицированными кадрами архивистов-архео-

графов, активно вводившими эту базу в научный оборот. С другой стороны, этому способствовало и отсутствие в республике археографического центра, который бы координировал научно-методическую и практическую деятельность научных и архивных учреждений в области археографии и сам вел подобную работу.

Обратившись к истории организации архивной и археографической работы в XIX — начале XX в., нельзя не заметить, что тогда функции сотрудников исторических архивов и археографических комиссий были достаточно четко разграничены, хотя на практике, как отмечалось выше, зачастую одни и те же лица (например, Н. И. Горбачевский, Д. И. Довгялло и др.) вели и архивную и археографическую работу, но работали в разных учреждениях. (Исключение составлял, пожалуй, только Витебский архив древних актов, хотя и его сотрудники неоднократно ставили вопрос о необходимости учреждения в нем по аналогии с Виленской археографической комиссией подобной структуры, которая бы занималась изданием актов.) Уже тогда наиболее дальновидные чиновники из министерств внутренних дел и народного просвещения, академические ученые, университетская профессура, члены всевозможных исторических и археологических обществ весьма критически отнеслись к чрезмерно активной эдиционной деятельности некоторых сотрудников центральных и местных исторических архивов, не без основания полагая, что она может быть ущербной для камеральной археографии. «Наши провинциальные и центральные архивы

(Киевский, Виленский и Витебский), — отмечал проф. Киевского университета В. С. Иконников, — предпочитают составлению и изданию архивных описей издание самих материалов, посвящая свое служебное время выборке и переписке документов для издания местных археографических комиссий»²⁰. Известный историк и археолог, директор Московского архива Министерства юстиции Н. В. Калачов также считал приоритетным в работе архивиста не публикацию документов, а составление описей «с целью обнародования последних»²¹. А преемник Н. В. Калачова Д. Я. Самоквасов в докладе «Об организации и деятельности центральных архивов древних актов в западных губерниях», прочитанном 10 августа 1893 г. на IX Археологическом съезде в Вильно, вообще внес предложение о недопустимо-

сти совмещения архивной службы с какой-либо иной. Оно, как это ни покажется странным, было поддержано рядом участников съезда. При этом архивариус Виленского центрального архива древних актов книг И. Я. Спрогис однозначно заявлял, что «задача архивов описание, а не издание; последнее есть дело археографических комиссий»²². Заметим, что тридцатью годами раньше, когда возникла идея объединить этот архив с только что созданной в Вильно археографической комиссией, Министерство народного просвещения воспротивилось, исходя из различия функций, выполняемых этими учреждениями. По мнению И. Я. Спрогиса, «архивариусы заняты преимущественно хранением, описанием и выдачей справок и выписок из дел, представляющих сугубо практический, а не научный интерес (купчие крепости, дарственные записи, документы, подтверждающие дворянство), а сотрудники Виленской археографической комиссии ведут научную работу»²³. Различия в работе архива и археографической комиссии усматривал и другой чиновник — виленский, ковенский, гродненский и минский генерал-губернатор Э. Т. Баранов, который писал, что «первый (архив — *М. III.*) обращает внимание по преимуществу на внешнюю классификацию актов книг, вторая проникает в самое внутреннее содержание акта и выбирает из массы только то, что полезно для науки»²⁴.

Подобные заявления относительно необходимости дифференцировать труд архивиста и археографа (сегодня они во многом кажутся наивными) не противоречат высказанному ранее тезису о союзе историка, архивиста и археографа как залого успешной археографической деятельности. В нынешних условиях в связи с расширением потенциальной базы публикаций, совершенствованием организации хранения архивных документов, разработкой и внедрением новых методов исторического исследования такой союз крайне необходим. Однако в этом союзе каждая из сторон играет свою равноправную роль.

Противоречивые «родственные» отношения сложились у археографии с историографией. Последняя не только способствовала зарождению и становлению работы по публикации документов как исторических источников, но и, как будет показано ниже, влияла на выбор объектов публикации. В периоды кризисов в историче-

ской науке археографическая продукция выдвигается на первый план, компенсируя отсутствие аналитических исследований. Так было, например, в 1920-е гг., когда «у ободренных первыми успехами наших археографов по-видимому явилось желание подать первую помощь историкам, причем подать эту помощь они решили, заместив их собою. Археографы заговорили о необходимости преодолеть различие — ”дуализм“, как они выражаются, существующий между работой в области исторического исследования и публикацией исторических документов»²⁵. Результатом такого «преодоления» стало издание многочисленных сборников документов, во многом дублировавших по своему составу друг друга и в конечном счете не стимулировавших углубленного изучения исторического процесса.

Нечто похожее происходит в исторической науке сегодня. Если в 1920-е гг. была разрушена концептуальная основа исторической науки, то в наши дни происходит процесс значительного изменения установившихся стереотипов по существенным проблемам исторического развития государства и общества, особенно советского периода. В число актуальных выдвигаются проблемы, ранее находившиеся если не под полным запретом, то с молчаливого согласия историков «в режиме ограниченного доступа». В условиях осмысления историками этих проблем и отсутствия пока что четких концепций их изучения, у археографов опять-таки может явиться мысль о замещении своими документальными публикациями отсутствующей историографической традиции²⁶. Между тем, как совершенно справедливо утверждает современный исследователь, «публикация-исследование уместна и даже желательна в самом начале историографической традиции; в дальнейшем ее участие в историографическом процессе должно сводиться не к простому документальному иллюстрированию уже достигнутого историографией, а к высвечиванию таких тайников документального наследия, которые еще не включены в научный оборот»²⁷.

Археография, дающая материал для исторических построений, но сама определяющаяся уровнем развития и направлением исторической науки, не может не отражать ее состояния. Однако археографическое освоение нового материала должно сочетаться с изучением отдельных процессов и явлений, ранее не находив-

шихся в поле зрения науки. Забегание археографии вперед может привести (как это ни покажется странным) к сдерживанию исторической науки, субъективизму и произволу археографов в части отбора источников для публикации, к появлению, наконец, утонченной документальной фальсификации. С другой стороны, отставание археографии от историографии чревато тем, что документальные публикации могут оказаться под влиянием уже сложившейся историографической установки и будут полностью соответствовать параметрам состояния историографии вопроса, не стимулируя его углубленного изучения²⁸. Вывод, таким образом, напрашивается сам собой: археография должна идти рука об руку с историографией, улавливая по аналитическим исследованиям важнейшие и актуальнейшие направления в сфере исторических изысканий и подпитывая их документальными публикациями. Тесная связь археографии с историографией и их взаимовлияние дают основание современным историографам включать в свои исследования о развитии исторической науки разделы, посвященные состоянию публикационной деятельности по тем или иным проблемам или периодам²⁹.

Выяснение значения археографии для исторической науки в целом, определение ее места среди других источниковедческих дисциплин дают основание говорить о некоей интегрирующей роли этой научной дисциплины, которую она играет по отношению к другим наукам (и не только гуманитарного профиля). Интегрирующий характер археографии как научной дисциплины и сферы практической деятельности проявляется в том, что она прежде всего разрабатывает теорию и методiku публикации документов как исторических источников, обеспечивает публичность этих источников, которыми пользуются как ученые, так и широкие круги читателей. Как совершенно справедливо отмечает академик Д.С. Лихачев, археография только с первого взгляда кажется узкой дисциплиной. «На самом же деле, — пишет он, — нет шире этой науки, и пространства ее соприкосновения с другими науками — самые обширные»³⁰.

¹ См., напр.: Валк С. Н. Судьбы археографии // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962 (С незначительными изменениями эта статья перепечатана в кн.: Валк С. Н. Избранные труды по археографии: Научное насле-

дие. СПб., 1991. С. 225—240); Селезнев М. С. По поводу термина «археография» // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964; Шмидт С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979; Королев Г. И. Иностраные интерпретации статуса теории и методики издания исторических источников // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990; Степанский А. Д. Археография: термин, объект, предмет // Отечественные архивы. 1996. № 3; и др.

² Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 51.

³ Валк С. Н. Судьбы археографии // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 225.

⁴ См.: Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 64—70.

⁵ Правила для руководства Археографической комиссии, высочайше утвержденные в день 18 февраля 1837 г. СПб., 1837. С. 1.

⁶ Шмидт С. О. Указ. соч. С. 134.

⁷ Там же. С. 136—137.

⁸ В последнем нетрудно убедиться, обратившись ко второму изданию «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990), в которых сравнительно с первым изданием правил (М., 1969) присутствуют разделы о методах публикации кинофотофонодокументов.

⁹ Так, например, В. Н. Татищев в «Истории Российской» приводит фрагмент летописи, впоследствии утраченной, который дает основание предполагать о существовавшей полоцкой летописи (подробнее об этом см.: Чамярыцкі В. Загадка Тацішчава // Архивы и делопроизводство. 1999. № 2. С. 17—21).

¹⁰ Цит. по: Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX — нач. XX вв. // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 26.

¹¹ Довгялло Д. И. Археографические работы в Белоруссии // Первая всебелорусская конференция архивных работников. 12—15 мая 1924 г.: Док. и материалы. Мн., 1999. С. 94.

¹² Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 8.

¹³ См.: Литвак Б. Г. Археография и историческое исследование // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 7—8.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Шмидт С. О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины // Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975. С. 341.

¹⁵ Примерами здесь могут быть документальные издания, подготовленные академиками А. С. Лаппо-Данилевским, Б. Д. Грековым, Н. М. Дружининым, М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепнинным и др. — в России; М. В. Довнар-Запольским, Н. М. Никольским, Н. Н. Улашиком и др. — в Беларуси; М. С. Грушевским, С. В. Юшковым и др. — в Украине; И. Гралеи, А. Рахубой и др. — в Польше.

¹⁶ См.: Рейсер С. А. Основы текстологии. 2 изд. Л., 1978. С. 11. Проблемам изучения и публикации литературных текстов посвящено не меньше исследований, чем документам актового характера. См., напр.: Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М.; Л., 1964; Он же. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962; Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии // Редактор и книга. Сб. статей. М., 1962. Вып. 3; и др.

¹⁷ См., напр.: Степанский А. Д. Указ. соч. С. 18.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Архивы и делопроизводство. 2000. № 1. С. 31—32; № 2. С. 37—38; и др.

¹⁹ См., напр.: Архивное дело в БССР (1918—1968): Сб. законодат. и руководящих документов. Мн., 1972; Архіўная справа на Беларусі ў дакументах і матэрыялах (1921—1995 гг.) Мн., 1996. Первый из этих сборников готовился в отделе публикаций Главархива республики, второй — в отделе архивоведения БелНИИДАДа.

²⁰ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1. С. 384.

²¹ Цит. по кн.: Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1. С. 33.

²² Труды IX Археологического съезда в Вильно. М., 1897. Т. 2. С. 79—82.

²³ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 2. С. 105.

²⁴ Там же.

²⁵ Попов А. К вопросу о наших публикациях исторических документов // Архивное дело. 1935. Вып. 3 (36). С. 47.

²⁶ В том, что подобный процесс имеет место в Беларуси, можно убедиться, обратившись к документальным публикациям (преимущественно «малых форм») — о политических репрессиях в республике в 1930—1950-е гг., коллаборационизме в годы Великой Отечественной войны, национально-государственном строительстве в 1920—1930-е гг. и др. Между тем серьезных исследований этих сложных и противоречивых явлений белорусской истории пока не имеется.

²⁷ Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 6.

²⁸ Этим недостатком, на наш взгляд, страдают почти все публикации документов послеоктябрьского периода, изданные в Беларуси в 1930—1980-е гг. Особенно заметно влияние официальных историографических установок на документальные публикации серийного характера, тематического вида — о коллективизации, индустриализации, участии жителей Беларуси в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны и др.

²⁹ См., напр., параграфы «Развертывание научной работы. Журналы. Архивы. Публикации», «Издание исторических памятников», «Археография», «Археографическое направление», а также целую главу «Собирание и публикация памятников русской истории. Изучение источников» в одном из лучших историографических исследований — работе Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (М., 1941), а также археографические сюжеты в историографических работах Э. Г. Иоффе, Д. В. Карева, В. Н. Михнюка, П. Т. Петрикова, В. В. Чепко и др.

³⁰ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 560—561.